

Воспоминания Эвана о том, как он бежал от двери лаборатории Дуга и возвращался в свою новую комнату, были смутными и неясными, словно покрытыми плотной пеленой тумана.

Единственное, что он помнил отчетливо — когда к нему наконец вернулось сознание, он обнаружил себя склонившимся над раковиной в уборной, его тело сотрясало от непрекращающихся рвотных спазмов.

В последние дни он практически ничего не ел, аппетит полностью исчез, поэтому из него выходила лишь горькая желудочная жидкость, перемешанная с тонкими кровавыми прожилками.

Уставившись в оцепенении на содержимое раковины, он мысленно снова и снова прокручивал тот последний образ, который успел мельком увидеть перед тем, как дверь в лабораторию Дуга захлопнулась с громким стуком.

Это была та самая тень.

Ее форма постоянно менялась, перетекала, будто жидкая тьма, просачиваясь сквозь едва заметную щель в стене. Было ли это просто игрой света от мерцающей электрической лампы? Или плодом его переутомленного воображения? Или же...

Эван намеренно оборвал эту мысль, отказавшись думать о третьем варианте.

С того самого дня он больше не прикасался к той злополучной книге, не бросал даже мимолетного взгляда на изображение звездной карты и ни разу не посетил ту абсурдную

комнату, которую с такой тщательностью создал в глубинах своего сознания.

Эван не имел ни малейшего представления, покинул ли его незванный "гость", но сама мысль о том, что та тень могла преодолеть невообразимые космические расстояния и проникнуть в его реальность, казалась до смешного нелепой.

Поэтому он предпочел списать все на галлюцинации, вызванные нервным истощением и хроническим переутомлением.

В конце концов, подобные психические расстройства не были редкостью среди магов, чьи умы отличались особой восприимчивостью и хрупкостью.

Эван отчаянно цеплялся за это рациональное объяснение, пытаясь убедить самого себя.

С трудом поднявшись на ноги, он начал механически проверять защитные руны и магические барьеры, развешанные по стенам и дверям его комнаты. Статуэтки Богини Магии, Бога Порядка и Пожирателя Кошмаров — Змея Ночи — стояли стройным рядом в углу, аккуратно расставленные по всем правилам магического фэн-шуй.

Когда Эван прошептал активирующее заклинание, дорогие статуи излучили слабое, но обнадеживающее свечение, что означало — защитные чары в комнате все еще функционируют должным образом.

На обустройство этой системы безопасности Эван потратил практически все свои скромные сбережения. В ход пошли даже некоторые экспериментальные материалы, "позаимствованные" у его бывшего наставника. Конечно, тот старик уже не мог предъявить претензии по поводу пропажи — не с того света же взывать к справедливости.

Это был рискованный шаг, граничащий с безумием, но когда Эван видел, как магическая энергия переливается по комнате ровным защитным потоком, он чувствовал, что игра стоила свеч.

— Все наладится, все обязательно наладится, — шептал он себе под нос, как мантру, его голос звучал глухо и безнадежно.

Однако, несмотря на все попытки успокоиться, он не смог удержаться от того, чтобы в очередной раз не свернуться калачиком в углу комнаты, обхватив колени дрожащими руками. Его была мелкая дрожь, а холодный пот за считанные минуты пропитал одежду насквозь.

Постепенно истощение взяло верх над его измученным телом. Даже страх не смог победить усталость — против собственной воли Эван погрузился в тяжелый, неестественно глубокий сон.

"Не стоит оставлять комнату пустовать слишком долго".

Во сне Эван услышал голос, который был одновременно до боли знакомым и абсолютно чужим.

Он резко открыл глаза и с ужасом осознал, что снова находится в своей старой, сырой и промозглой камере. В узком пространстве висел легкий, но плотный туман, распространяющий тот самый противный металлический запах, от которого сводило зубы.

Его бывший сосед, тот самый морской карлик, который таинственно исчез несколько лет назад, свернулся калачиком в их самодельном гамаке и что-то невнятно бормотал себе под нос.

Свет в комнате был настолько тусклым, что очертания карлика сливались в одно бесформенное черное пятно.

Кап кап... Кап кап...

В воздухе висел странный, неприятно влажный звук, будто где-то в углу комнаты сочилась и капала на пол какая-то густая жидкость.

Эван никогда в жизни не испытывал такого всепоглощающего ужаса.

Он попытался закричать, но его горло словно сжалось в тугой узел, не пропуская ни звука.

Каждая клеточка его тела, от кончиков волос до ногтей на ногах, казалась парализованной ледяным страхом.

— Он хочет, чтобы ты остался там с Ним. От Его объятий не убежать, — произнес морской карлик, и его голос был пропитан таким безумием, что каждое слово заставляло виски Эвана пульсировать от боли.

В этом голосе было нечто такое, чего Эван не мог вынести на психологическом уровне.

Это шло из самых глубин человеческой сущности — древнее, инстинктивное отвращение и сопротивление перед лицом чего-то абсолютно чуждого.

Но Эван не мог ни закричать, ни выругаться. Он лишь мог медленно, как в кошмарном сне, двигаться по направлению к центру комнаты, беспомощно наблюдая, как светло-серый туман просачивается сквозь щели в дверном косяке.

Фигура морского карлика становилась все более размытой и нечеткой по мере того, как туман сгущался, заполняя все пространство.

— Ты Ему понравился. Он — существо, превосходящее само понятие величия; больше, чем сама идея величия, и злее, чем сама суть зла. Он — бездонная тьма, существующая вне времени, и Он олицетворяет собой саму сущность отчаяния. Он проявил к тебе интерес — и предлагает тебе Свой ответ. Ты должен вернуться, иначе станет только хуже. Он найдет тебя, преодолев все правила и барьеры, все измерения и само время, и тогда ты обретешь вечную славу в Его объятиях.

Когда слова морского карлика наконец смолкли, Эван почувствовал, как этот пронзительный, скрежещущий голос звучит одновременно в реальности, в его воображении и прямо у него в голове. Звук был настолько оглушительным, что Эвану казалось — его мозг вот-вот превратится в жидкую кашу и вытечет через уши.

Невыносимая боль сдавила его грудную клетку, затрудняя каждый вдох.

Туман на полу начал странным образом трансформироваться прямо на глазах у Эвана. Он закручивался в причудливые спирали, превращаясь в бесчисленное множество тонких, гибких щупалец.

Они устремились к телу Эвана, а в глубине тумана тускло мерцали мутные красные и желтые огни, словно чьи-то глаза.

В этом призрачном свете Эван наконец смог разглядеть, во что превратился его бывший сосед.

И он мгновенно пожалел об этом.

То, что он увидел, было настолько отвратительным и противоестественным, что все его самообладание разлетелось в прах в одно мгновение.

— А-а-а-а-а-а!!!

Из горла Эвана вырвался душераздирающий вопль, полный чистого, неконтролируемого ужаса.

БА-БАХ!

В следующее мгновение он тяжело рухнул на пол, его тело билось в жестоких, неконтролируемых конвульсиях.

Адская пытка длилась не менее пятнадцати минут, а на то, чтобы хотя бы отчасти прийти в себя, потребовалось еще больше времени.

Физическая боль постепенно утихла, но глубокая психологическая травма продолжала кровоточить, как свежая рана.

Лежа ничком на холодном каменном полу, не в силах пошевелить ни одним мускулом, Эван мысленно снова и снова переживал увиденное во сне.

Он был абсолютно уверен — то, что явилось ему, не было его бывшим соседом. Это было нечто иное, чужеродное, проникшее сквозь ткань реальности, использовавшее душу несчастного карлика как проводник.

И теперь это нечто охотилось за ним, за Эваном.

— Что же я натворил...? — прошептал он, и в его голосе звучала такая боль и отчаяние, что даже стены, казалось, содрогнулись в ответ.

Во рту стоял противный металлический привкус крови, а язык болел — он, должно быть, сильно прикусил его во время припадка.

Когда Эван наконец смог с трудом подняться на ноги и хотя бы частично восстановить контроль над своим телом, прошло уже несколько часов.

Но он еще не осознавал, что его проблемы далеко не ограничиваются физической слабостью и психической травмой.

Все магические барьеры, защитные руны и прочие меры предосторожности, которые Эван с таким трудом создал — все, что должно было защитить его, все, на что он потратил последние деньги и силы, — все это лежало в руинах.

Он смотрел на остатки своей защиты с немим ужасом, его разум отказывался осознать масштабы катастрофы.

— О, великая Богиня Магии...

Шатаясь, как пьяный, Эван подошел к стене и снял одну из дорогих рунических пластин. Его пальцы дрожали, когда он проводил ими по неровной, испорченной поверхности.

Мифрил, из которого была сделана пластина, начал плавиться, словно от сильного жара. Все магические цепи были разорваны, защитные круги — нарушены. То, что раньше светилось ровным магическим светом, теперь было мертвым и пустым.

Рунные символы, некогда яркие и четкие, теперь выглядели выцветшими и тусклыми, словно состаренные временем. Их покрывал тонкий слой странной пыли, издававший слабый, но отчетливый металлический запах.

Что касается магических статуй... Эван понял, что лучше не смотреть на них слишком внимательно.

Казалось, они пролежали в сыром подземелье не одну тысячу лет. Лица Богини Магии и Бога Порядка были искажены до неузнаваемости, их глаза — просто провалившиеся черные дыры.

Из глазницы Богини Магии медленно выползла белая, покрытая слизью личинка, затем так же медленно скрылась обратно. Тело Змея Ночи было разбито на куски, но какая-то сероватая слизь удерживала их вместе. Его некогда величественная голова, искусно вырезанная с

яростным выражением, теперь казалась застывшей в немом крике вечной агонии.

Острая боль пронзила сердце Эвана. Это была не просто досада от потери имущества — это был куда более глубокий, первобытный страх.

Он не мог заставить себя смотреть на искаженное лицо статуи Богини Магии, пока волны чистого, неразбавленного ужаса накатывали на него, смывая последние остатки самообладания.

<http://bllate.org/book/13217/1177819>